

рабіла ў людзей... (І. Шамякін); На першай днёўцы *аказалася*, што спадарожнічкаў трэба не толькі весці, але ж яшчэ і карміць (Я. Брыль).

Сцвярджэнне, што паміж часткамі азначна-тлумачальнага сказа будучь узнікаць спецыфічныя тлумачальныя адносіны, можа выклікаць сумненні, і як прыклад узнікнення аб'ектных адносін можна прывесці сказы, дзе ў адным радзе аднародных кампанентаў стаяць дэлібератыўны аб'ект і даданая дапаўняльная частка: Аднак яе *ўразіла* гэтая *цішыня* і яшчэ *тое*, што *знешне ўсё аставалася такім жа, як звычайна* (І. Шамякін); ...Была і *трывога* — *за Алеся, за сябе самога, за тое, што пачнецца-такі, відаць, вайна* (Я. Брыль).

На наш погляд, магчымасць існавання сказаў з такімі аднароднымі кампанентамі тлумачыцца імкненнем усіх моўных канструкцый да згортвання ў пяцічленную канструкцыю, г. зн. у просты сказ⁶. Ды і адносіны паміж дэлібератыўным аб'ектам і дзеяннем, на яго накіраваным, вельмі спецыфічныя, і іх нельга разглядаць як уласна аб'ектныя.

Можна заключыць, што азначна-тлумачальныя сказы выпадаюць з той класіфікацыі складаназалежных сказаў, якая існуе ў беларускім сінтаксісе. Адзначаныя ў гэтым артыкуле асаблівасці азначна-тлумачальных сказаў маюць, на наш погляд, дастатковую сілу, каб вылучыць такія сказы ў асобны структурна-семантычны тып.

¹ Гл.: Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы: Сінтаксіс. Мн., 1959; Граматыка беларускай мовы. Мн., 1966. Т. 2.

² Гл.: Канюшкевіч М. І. Да характарыстыкі азначна-тлумачальнага складанага сказа // Бел. лінгвістыка. 1983. Вып. 23.

³ Гл.: Мартынов В. В. Категория языка. М., 1982.

⁴ Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. С. 240.

⁵ Гл.: Граматыка беларускай мовы. Т. 2. С. 587 і далей.

⁶ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Мирин В. Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.

В. Е. КВАЧЕК

СВОЕОБРАЗИЕ СЛОГОВОЙ СТРУКТУРЫ В БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Возвращение белорусскому языку статуса государственного актуализирует проблему национально-русского двуязычия в республике, ориентирует речевое сознание населения на более четкое разграничение структуры близкородственных языков. В этой ситуации настоятельно ощущается необходимость повышения результативности языковой подготовки в учебных заведениях, призванных выпускать из своих стен коммуникативно развитую личность. Оптимизация обучения двум близкородственным языкам предполагает прежде всего постижение их самобытности по отношению друг к другу. Поэтому важно в беспорядочных на первый взгляд звуковых расхождениях обнаружить закономерность, опереться на ту основу, которая обобщает возникшие несоответствия, придавая им регулярность в сознании билингвов и этим способствуя более прочному усвоению материала. Сопоставительный аспект в изучении генетически близких языков плодотворен тем, что позволяет ввести в лингвистический оборот ряд характерных фактов, остающихся как бы в тени при одном лишь «внутреннем» изучении языка.

В данной статье мы сравним группу белорусско-русских однокорневых слов с тождественной семантической доминантой, имеющих, однако, незначительные различия в «звуковой материи» и, следовательно, представляющих потенциальную опасность возникновения интерференции. Упорядочить многообразие этих различий поможет, на наш взгляд, обращение к такому простому и вместе с тем «хитроватому», по выражению В. К. Третьяковского, понятию, как слог. И хотя слоговой стереотип в обоих языках похож, тем не менее своеобразие слоговой структуры

диктует свои фонетические варианты и отражается в целом ряде соотносительных лексических единиц.

Объяснение и обобщение фактов в родственных языках, как и в диалектах одного языка, неизбежно направляет мысль исследователя «сквозь время», т. е. уводит в диахронию, и в этом реализуется важнейшее требование диалектики — изучать явления в связи и развитии. Потенциал исторической науки о языке, призванной «работать» на современные языковые формы, может и должен использоваться в учебном процессе более широко и эффективно. Разумеется, привлекая исторические сведения, следует избегать излишней углубленности в детали, стремиться к ясности и простоте.

Итак, обратимся к слогу. По сравнению со звуком речи это качественно новая сегментная единица, спаянная изнутри взаимной адаптацией звуков. Оба языка предпочитают открытые слоги, следуя в этом отношении праславянской и древнерусской тенденции. Закрытые слоги появились, как известно, в результате утраты редуцированных гласных *ѣ, ъ*. Однако, как замечает С. Б. Бернштейн, древняя структура слога, характеризовавшаяся возрастанием звучности, не была коренным образом преобразована в связи с утратой еров; в срединных слогах и теперь господствует старая праславянская тенденция¹. Это замечание ученого согласуется с выводами современных исследователей о том, что в русском языке «единственной реальной произносительной единицей является открытый слог» и что конструкции типа СГ и ССГ составляют около 85 % от общего числа слогов². И в белорусском, и в русском языках строение начальных, срединных и конечных слогов во многом сходно. Вместе с тем именно в слоговой структуре проявляется стремление языка по-своему сформировать звуковой облик слова, приспособить его к своим артикуляционным навыкам. В результате однокорневые слова с единой морфологической структурой утрачивают тождественность фонемного состава и становятся паралексами. Дивергенция, таким образом, происходит благодаря модификации в строении слогов.

Утрата редуцированных *ѣ, ъ* изменяла первоначальный звуковой облик слова. Возникали сочетания звуков, нарушающие тенденцию к возрастающей сонорности слога, создавая этим условия для побочной гловости. Древнерусские говоры по-разному реагировали на это, и в результате фонетическое тождество целого ряда слов оказалось нарушенным. Появление начальных слогов, содержащих группы «сонорный + шумный (или сонорный носовой)», т. е. с нисходяще-восходящей звучностью, было чуждо естественной народной речи. Поэтому в абсолютном начале слова развивался, как правило, дополнительный гласный элемент, что и приводило к возникновению расхождений в звуковой структуре слов, в количестве слогов. Это находит отражение в современных литературных формах: *аржаны — ржаной, льняны — льняной, львины — львиный; илгаць, илгун — лгать, лгун; імгла, імглісты — мгла, мглистый; імчацца — мчаться, імшысты — миштый, іржавы — ржавый; ірваць, ірваны — рваць, рванный; ірдзець — рдеть, іржаць — ржаць* и другие производные формы. Правда, в Тлумачальным слоўніку беларускай мовы приведены как равноправные варианты *льняны* и *льняны, льгота* и *льгота, льдзіна* и *льдзіна* и т. п. Дело в том, что фонологический статус этих «приставных» гласных неодинаков. Их употребление зависит от фонетической позиции, т. е. от характера звука, которым заканчивается предыдущее слово — гласный он или согласный: ср. *бачу льва* и *уцячы ад ільва*. В этом случае сочетания *и* (или *а*) + сонорный являются позиционными вариантами сонорных, поэтому нет оснований считать звуки [и] или [а] отдельными фонемами. Если же варианты стали равноправными, тогда приставные гласные следует рассматривать как самостоятельные фонемы. В отдельных случаях вариантность устранена в пользу приставного гласного (*аржаны, імчаць, імгла*), именно данные варианты употребительны в начале фраз³.

В конечных слогах после утраты редуцированных также образовались

труднопроизносимые группы согласных. И здесь вследствие развития гласного перед сонорным претерпела изменения слоговая структура, как это произошло, например, в словах *ветер*, *восемь*, *огонь*, *уголь*, *свёкор* — бел. *вецёр*, *восем*, *агонь*, *вугаль*, *свёкар* (ср. др. русск. *вѣтръ*, *огнь*, *осьмь*, *угль*, *свѣкръ*), состоящие до утраты конечных гласных *ѣ*, *ь* из двух слогов). В белорусском языке развитие гласного звука в данной позиции представлено шире, что и приводило к дивергенции: *бабёр* (зверь и его мех) — *бобр* (зверь) и *бобёр* (мех), *вихор* — *вихрь* (порыв ветра), *журавель* — *журавль*, *карабель* — *корабль*, *рубель* — *рубль*. Интересно, что гласные *е*, *о*, даже поддержанные ударением, становятся в обоих языках беглыми в производных словах и падежных формах: *бабром* — *бобром*, *рублёвы* — *рублёвый* (но *карабельны* — *корабельный* — гласный сохранился, хотя *карабля*).

Слоговая структура упрощалась и в связи с утратой конечных сонорных и шумных (ср. диал. *корань*, *рунь* и т. п.). Это в большей степени характерно для белорусского языка. Отсюда и несоответствия в однокорневых словах: *жандар* (но *жандармерыя*) — *жандарм*, *верас* — *вереск*, *чацвер* (но *чацвярга*) — *четверг*, *напроці* (*наспраць*) — *напротив*, *ббязь* — *боязнь*. Последние корреляты интересны тем, что слова с конечным слогом на *-знь* вообще чужды белорусскому языку, поэтому данный суффикс заменен, преобразован или же употребляется слово другого корня и даже сочетание слов: *жизнь* — *жыццё*, *казнь* — *пакаранне смерці*, *кара* (перен.) — *козні* (ед. нет) — *падкопы*, *болезнь* — *хвароба*, *неприятнь* — *непрыязнасць*, *непрыхільнасць*; *порознь* — *паасобку*, *паасобна*; *рознь* — *варожасць*, *нелады*. Нежелательны также сочетания шумных с другими сонорными в конечном слоге: *внутрь* — *усярэдзіну* (но уже возможно и *унутр*), *воплъ* — *крык*, *лямант*; *голавль* — *галавень*. Однако уже проникли заимствованные слова с непривычной структурой конечного слога: *ансамбль*, *бінокль*, *дырыжабль* и нек. др.

Во многих случаях конечному закрытому слогу в русском корреляте соответствует открытый слог в белорусском, что нередко приводит и к расхождению в роде или склонении: *кудзеля* — *кудель*, *маці* — *мать*, *дача* — *дочь*, *морква* — *морковь*, *плесня* — *плесень* (<пльсьн, ср. в русском *басня*, *песня* < *баснь*, *пѣснь*), *пядзя* — *пядь*, *храпа* — *храп* — «передняя часть морды животного», *царквѣ* — *церковь*. В позднейших заимствованиях из польского или из других языков, а также из русского в белорусский данное различие в строении конечного слога сохранялось: *кадрыля* — *кадриль*, *кафля* — *кафель*, *мэбля* — *мебель*, *нафта* — *нефть*, *півоня* — *пион*, *роля* — *роль*, *салата* (и *салат*) — *салат*, *табака* — *табак*, *таполя* — *тополь*, *фасоля* — *фасоль*, *цыкорыя* — *цикорий*. Такое же соответствие наблюдается и в других паралексах, восходящих к праславянским корневым морфемам: *жазлѣ* — *жезл*, *акруга* — *округ*, *плошча* — *площадь* (путем отсечения искомого согласного *ploskedь), *раскоша* (и *роскаш*) — *роскошь*, *цеча* — *течь*, *ціша* — *тишь*, *ява* — *явь*. Есть немногочисленные примеры и с обратным строением конечного слога, однако в закрытых слогах белорусских коррелятов звучность конечных сонорных или шумных не теряется благодаря наличию предыдущего гласного: *дышаль* (польск. *dyszal*) — *дышло* «оглобля», *туфель* — *туфля* (сначала *туфель* и в русском — из нем. *Tuffel*), *бездань* — *бездна* (<ст. слав. *бездѣна*), *праслоек* — *прослойка*, *развілак* — *развилка*. В отдельных случаях в белорусском языке допустимы варианты: *пістоля* и *пістоля* (устар. *пистолет*) — *пистоль*, *тальк* и *талька* — *тальк* (но *гантэль* — *гантель* из нем. *Hantel*).

Устойчивые противопоставления конечного открытого слога, ударного и безударного, закрытому сохранились в формах инфинитива на *-чы*, *-ці* — *-чь*, *-ть*. В русских коррелятах безударный гласный инфинитивного суффикса, как правило, подвергался редукции и исчезал. Это имело место во всех немногочисленных праславянских глаголах на *-чь* (восходящим к сочетаниям **-kt*, **-gt* перед гласным переднего ряда): *берагчы* — *беречь*, *валачы* — *волочь* (и *волочить*), *запрэчы* — *запрять*, *лег-*

чы — лечь, магчы — мочь, памагчы — помочь, прадрачы — предречь, пячы — печь, секчы — сечь, стрыгчы — стричь, сцерагчы — стеречь, таўчы — толочь, цячы — течь. Такое же соотношение в немногих глаголах на -ці — -ти: есці — есть, жэрці — жрать (прост.), грызці — грызть, клісці — класть, клясці — клясть, красці — красть, лезці — лезть, надаесці (и надакучыць) — надоест, прасці — пряхть, пльсці (и пльць) — пльть, сесці — сесть. Различие в структуре конечного слога сохраняется у нескольких общеславянских глаголов, оба коррелята которых дву- и трехсложны: бегчы — бежать, памерці — помереть (прост.) умереть, перці — переть (прост. и также префиксальные формы), раўці — реветь, церці — тереть. Обратное соотношение конечных слогов у двух этимологически родственных глаголов *запáсціць* — *запасті́ць*, *пасвіць* — *пасти́* ([в] в *пасвіць*, возможно, под влиянием общеславянского *паства* с выпадением [т]). И, наконец, группа глаголов с открытым конечным слогом и в русских коррелятах, сохранивших его благодаря переносу ударения на последний слог: *вэ́зці* — *везті́*, *вэ́сці* — *весті́*, *гнё́сці* — *гнесті́*, *грэ́бці* — *гресті́*, *ме́сці* — *месті́*, *плэ́сці* — *плесті́*, *скрэ́бці* — *скресті́*, *трэ́сці* — *трясті́* (и преф. формы). Данную группу можно отнести к так называемым акцентным паралексам, другие же глаголы этого типа структуры по данному признаку тождественны: *брысці* — *бресті́*, *пай́зці* — *ползті́*, *расці* — *расті́*, *цві́сці* — *цвесті́*, *ісці* — *идті́*, *знай́сці* — *найті́* и многие префиксальные образования.

Рассмотренные межъязыковые глаголы представляют собой древнейший пласт праславянской лексики, многие из них имеют соответствия в других индоевропейских языках. Эта в целом немногочисленная группа разрослась за счет производных форм, в которых соотношение между конечными слогами в основном сохраняется, как, например, в образованных позднее дериватах с постфиксом -ся (<сѧ), сохранивших безударный гласный в белорусских коррелятах и утративших его в русских: *плéсціся*, *расплéсціся* — *плесті́сь*, *расплесті́сь*; *запасці́ся* — *запасті́сь*, *кра́дучыся* — *кра́дучись* и мн. др.

О большей приверженности белорусского языка древней слоговой структуре свидетельствуют рефлексy слогов, содержащих утраченные редуцированные гласные. Если выпадение последних приводило к резкому перепаду звучности в пределах слога, язык находил средство «поправить положение», прибегая к включению гласного звука: *вошы*, *вашывы* — *вши*, *вшивый* (<др. рус. *въшь*), *раты* — *рты* (<др. рус. *рътъ*), *шво* — *шов* (<*шьвъ*), *ліслівы* — *льстивый* (<*льсть*), *тыкнуць* — *ткнуць* (<*тъкнути*). Как известно, беглые гласные возникали не только на месте исконных ъ, ь, но под действием аналогии и на месте о, е: *равы* — *рвы* (<др. рус. *ровъ*), *карані*, *каранёвы* — *корни*, *корневой* (<др. рус. *корень*).

Чаще находят отражение в белорусских коррелятах рефлексy так называемого второго полногласия (из сочетаний типа **tǫrt*, **tǫlt*): *горан* — *горн* (<др. рус. *гърънъ*), *дзёрен* — *дёрн* (<*дърънъ*), *жарало* — *жерло* (<*жьрло*), *маланка* — *молния* (<*мълнія*), *смяротны* — *смертный* (<*смърть*), *човен* — *чёлн* (<*чълнъ*).

Мы рассмотрели сравнительно немногочисленные группы соотносительных единиц, однако есть более обширные пласты межъязыковой лексики с регулярными различиями в строении слога. Тенденция формировать слог в соответствии с законом восходящей звучности рельефно проявилась в последовательном употреблении протетического согласного *v*. Имеются в виду довольно многочисленные примеры типа *возера* — *озеро*, *вока* — *око*, *вуха* — *ухо*, *павук* — *паук*, *каравул* — *караул* и др. Причем протезирование сохраняется и в позднейших образованиях, и в отдельных заимствованиях: *водпуск* — *отпуск*, *водмель* — *отмель*, *вохра* — *охра*, *вустрыца* — *устрыца*. Однако следует заметить, что в иноязычных лексемах оно уже не является обязательным, и не без влияния русских звуковых форм в белорусском языке закрепились слова с неприкрытым гласным: *ордэн*, *орган*, *опера*, *опіум*, *урна* и др.

Широкое распространение получил в белорусском языке *j*-протез, вставляемый между гласными в заимствованных словах с целью устранения хиата (зияния): *мемарыял* — *мемориал*, *патрыёт* — *патриот*, *піянер* — *пионер* и мн. др. Реже встречается *g*-протез: *Ганна* — *Анна*, *гайда* — *айда* (междом.), закономерно сохранение исконого *g* в белорусском корреляте *гісторыя* — *история* (<греч. *historia*), в местоимении *гэта* — *это*.

К древнейшим диалектным различиям восходит утрата в белорусском или сохранение в русском языке конечного *j* в позиции после напряженных редуцированных *ы*, *и* в полных формах прилагательных и причастий мужского рода, в некоторых местоимениях, в повелительной форме глаголов. В результате стало возможным появление большого числа коррелятов, различающихся открытым и закрытым конечным слогом: *малады* — *молодой*, *сядзячы* — *сидячий*, *такі* — *такой*, *ні* — *ней* и т. п.

Таким образом, в современном белорусском и русском литературных языках структура слога придает звуковое своеобразие многим однокорневым лексемам. Должное внимание этому важному фактору будет способствовать более полному постижению специфики каждого языка.

¹ См.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 259.

² См.: Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. С. 139—140.

³ См.: Крывіцкі А. А., Падлужны А. І. Фанетыка беларускай мовы. Мн., 1984. С. 115.

Л. Г. ЯЦКЕВИЧ

СИСТЕМА МОДИФИКАЦИОННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕПОЗИТИВНЫХ МОРФЕМ РУССКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Сложная система модификационных значений имен существительных изучена только частично. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, основное внимание исследователи уделяли стабильной сложившейся системе модификационных значений, выраженных суффиксами, а также отчасти префиксами, префиксоидами и конфиксами. Во-вторых, если система суффиксальных модификационных значений сложилась уже давно, то система модификационных значений, выраженных препозитивными морфемами, еще только складывается. В третьих, модификационные препозитивные морфемы (МПМ) обнаруживают наибольшую активность в устной разговорной речи и в профессиональной сфере, терминологии, поэтому в толковых словарях существительные, включающие в свой состав МПМ, отражены минимально. Сошлемся на авторитетное свидетельство К. С. Горбачевича: «Будем прибавлять приставки *пол-*, *сверх-* и *недо-* к разным существительным, прилагательным и глаголам: *полдороги*, *полдома*, *полгорода*, *полквартиры*, *полкниги*... *сверхмогучий*, *сверхскорый*,... *недослушать*, *недоплыть*... и т. д. чуть ли не бесконечно. Моргут возразить: многих из этих «придуманных» нами слов нет в словарях. Да, конечно, нет. В целях сокращения объема издания такие потенциальные слова... не помещаются в словари. И это вполне оправданно. Их легко образовать по аналогии, а значение понятно из составляющих частей»¹. Таким образом, определение функционального и структурного статуса МПМ является актуальной темой исследования.

МПМ не однородны в эволюционном и структурно-типологическом отношении. Представляется целесообразным выделить следующие группы МПМ: 1) исконые русские морфемы праславянского происхождения, которые употреблялись в качестве префиксов имен существительных еще в древнерусский период, например, префиксы *па-*, *пра-*, *су-*, *у-* (*ра-, *рга-, *sq-, *q-, соотносительные с глагольными *ро-, *рго-, *сь-, *вь-) ²; в современном русском языке они являются непродуктивными и нере-